

Кремневая пластика Среднего Урала: новые находки и интерпретации

Ирина Витальевна Усачева^{1, #}, Иван Андреевич Спиридонов², Ольга Николаевна Корочкова²

¹Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень, Россия

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

[#]E-mail: i.usachova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена публикации новых находок кремневой пластики, обнаруженных при раскопках многослойных памятников на побережье Шайтанского озера в Кировградском районе Свердловской области. К категории фигурного кремня отнесено шесть фигурок и наконечники стрел рыбковидной формы. Скульптурки представлены в основном профильными изображениями, среди которых выделяются две морфологические группы: полнофигурные и парциальные (изображения голов). Прототипами образов послужили наиболее крупные обитатели леса – лось и медведь, боровая и водоплавающая птица, озерные и речные виды рыб. По способу изготовления также выделяется две группы. Для первой характерно применение краевой ретуши по контуру, для второй – двусторонняя обработка поверхности изделия плоской ретушью. Ближайший круг аналогий и хронологический диапазон фигурок варьируется в рамках рубежа V/IV – середины – третьей четверти III тыс. до н.э. и соотносится с энеолитическими комплексами разной культурной атрибуции. Анализ новых находок фигурного кремня, выполненный с учетом векторов наиболее близких аналогий, показал, что та часть коллекции, которая изготовлена с использованием краевой ретуши, имеет, скорее всего, местное происхождение. Часть двусторонне обработанных экземпляров по морфологическим, стилистическим, а в ряде случаев и сырьевым показателям, имеет большое сходство с кремневой скульптурой Волго-Камья и Северо-Востока Европы, причем именно тех районов, где в неолите-энеолите преобладали бифасиальные технологии расщепления.

Ключевые слова: энеолит, фигурный кремль, наконечники стрел, краевая ретушь, бифас

Цитирование. Усачева И.В., Спиридонов И.А., Корочкова О.Н., 2025. Кремневая пластика Среднего Урала: новые находки и интерпретации, *Уфимский археологический вестник*, т. 25, № 1, с. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.1.010>

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Госзаданий Министерства науки и высшего образования РФ № FWRZ-2021-0006 и № FEUZ-2023-0018.

Flint Plastic Of The Middle Urals: New Findings And Interpretations

Irina V. Usacheva^{1, #}, Ivan A. Spiridonov², Olga N. Korochkova²

¹Tyumen Scientific Center Siberian Branch of the RAN, Institute of Northern Development, Tyumen, Russia

²Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

[#]E-mail: i.usachova@gmail.com

Abstract. The article publishes newly found flint plastic items discovered by excavations at multi-layered monuments on the Shaytan Lake shore, Kirovogradsky District, Sverdlovsk Region. The category of shaped flint stones lists six figurines and fish-shaped arrowheads. The figurines mainly depict profiles and can be divided into two morphological groups, namely full-body figurines and partial (head) figurines. The image prototypes are the largest forest inhabitants such as a moose, a bear, pine forest fowl, waterfowl and fresh-water fishes. The items can also be divided into two groups by the workmanship method. One group of items has retouched edges, while the other one was exposed to bilateral flat retouch of the surface. The closest range of analogies and the chronological range of the figurines varies through the turn of the 5th/4th century BC, the mid and the third quarter of the 3rd millenium BC. This chronology corresponds to the Eneolithic complexes with different cultural attributions. The newly found flint figurines are analysed using the closest analogies vector. This analysis shows that the part of the collection manufactured with edge retouch is likely to have the local origin. The part of the collection exposed to bilateral retouch has morphological, style and sometimes material characteristics that strongly resemble flint sculptures from the Volga-Kama region and the European North-East. This part of the collection is particularly associated with the areas that had prevailing bifacial flaking technologies during the Neolithic and Eneolithic.

Keywords: Eneolithic, shaped flint stones, arrowheads, edge retouch, biface

Citation. Usacheva, I.V., Spiridonov, I.A., Korochkova, O.N., 2025, "Flint Plastic Of The Middle Urals: New Findings And Interpretations", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 25, no. 1, pp. 123–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.1.010>

Funding. The research was conducted under State Orders of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Nos. FWRZ-2021-0006 and FEUZ-2023-0018.

Введение

Миниатюрные кремневые скульптуры из неолитических стоянок северной половины Европейской России известны с 70-х годов XIX века. Ко времени первого профессионального описания в 1948 г. их насчитывалось около 90 экземпляров [Замятнин, 1948. С. 88–98]. Сегодня количество предметов, известных как «фигурный кремнь», исчисляется сотнями [Жульников, 2010; Карманов, 2022; Сериков, 2011; 2014 и др.], а территория их распространения охватывает Северо-Восток Европы, Верхне-Волжский и Волго-Окский бассейны, Волго-Камье, Урал, Приморье, Приамурье, Камчатку и Чукотку.

Первые кремневые фигурки на восточном склоне Урала были найдены в 1978 г. [Сериков, 1978. С. 246–248], к 2015 г. этот корпус изделий насчитывал уже более 70 экз. [Сериков, 2014. С. 31] и продолжает пополняться. В центре внимания данной публикации коллекция фигурного кремня, обнаруженная при раскопках на побережье оз. Шайтанское, расположенного недалеко от Екатеринбурга. Ранее мы уже сообщали о двух фигурках с пос. Шайтанское 4–6 [Корочкова, Спиридонов, 2021], сейчас их стало уже пять, к этой же серии отнесены рыбковидные наконечники стрел. Еще одна фигурка была выявлена среди материалов многослойного памятника Шайтанское Озеро II.

Цель и методика исследования

Целью данного исследования является введение в научный оборот новых образцов кремневой пластики и определение их места в системе связей восточноевропейской скульптуры в целом и в Среднем Зауралье в частности. Методика изучения включает петрографический¹, технико-морфологический, трасологический² и сравнительно-исторический анализы, ориентированные на выявление ближних и дальних аналогий и оценку возможности использования фигурного кремня в качестве маркеров направлений информационных контактов в древности. В качестве терминологической основы использованы «Методика обработки археологических коллекций» [Нохрина и др., 2016. С. 47–96], «Технологический анализ каменных индустрий» [Гиря, 1997], «Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» [Базалийский, 2010. С. 42–44].

Контексты

Шайтанское озеро расположено в Кировградском районе Свердловской области, в 60 км к северо-

востоку от Екатеринбурга (рис. 1, А). Его побережье насыщено археологическими памятниками разных эпох, среди них особую известность приобрело Шайтанское Озеро II – многослойный объект, на территории которого раскопано святилище бронзового века, расположенное в глубине террасы, и остатки неолитического поселения, приуроченного к прибрежному валу [Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020. С. 15–22].

На противоположном северо-восточном берегу озера находится многослойное пос. Шайтанское 4–6 (рис. 1, Б). В результате стационарных работ 2020–2021 гг. была исследована центральная часть памятника площадью 128 м² (рис. 1, В). В культурном слое мощностью до 0,8 м выявлены неолитическое погребение [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2023], четыре прокала, два объекта в виде ям неустановленного назначения. Полученная в ходе исследования коллекция включает разновременный материал от неолита до средневековья. Однако подавляющая часть соотносится с двумя основными этапами освоения памятника, а именно эпохой неолита (IV – середина – третья четверть III тыс. до н.э.) и бронзовым веком (II тыс. до н.э., черкаскульская культура). Коллекционная опись включает более 21 тыс. находок, из которых около 75% составляют изделия из камня, в том числе обломки и заготовки орудий, отходы камнеобработки, немодифицированные орудия и заготовки. Одной из особенностей памятника является обилие каменных наконечников стрел, целых и в обломках (около 200 экз., с учетом заготовок и производственного брака). Фигурки зверей и птиц залежали разрозненно в западной, северо-западной и восточной частях раскопа на глубине 0,15–0,40 м от поверхности (рис. 1, Г). Особую категорию фигурного кремня составляют наконечники стрел, представляющие собой профильные изображения рыб.

Описание находок

Фигурка 1 (шифр 4285/6232) размерами 53,5×20,3×5 мм представляет собой профильное цельнофигурное изображение боровой птицы³, судя по размерам хвоста и тела – самки (рис. 2, 1). Голова фигурки каплевидная, вытянутая, клюв приоткрыт. Шея короткая. Корпус ромбический, продолговатый, с небольшим выступом, передающим на спине концы сложенных крыльев. Изготовлена из тонкого продолговатого отщепца кремнистого сланца аспидного цвета с фрагментом желтой желвачной корки в районе головы птицы.

¹Благодарим за консультации канд. геол.-мин. наук, старшего научного сотрудника лаборатории петрологии магматических формаций Института геологии и геохимии им. академика А.Н. Заварицкого УрО РАН Е.С. Шагалова.

²Исследование выполнялось с использованием микроскопа МБС-10 И.В. Усачевой. Благодарим за консультации к.и.н. Л.Л. Косинскую (УрФУ), к.и.н. Е.Ю. Гирю (ИИМК РАН), к.и.н. С.Н. Скочину (ТюмНЦ СО РАН).

³Благодарим за консультации охотника и таксидермиста Ишимского историко-краеведческого музея Л.В. Степанова. По его мнению, данная фигурка более всего похожа на тетерку в позе высматривания, разглядывания.

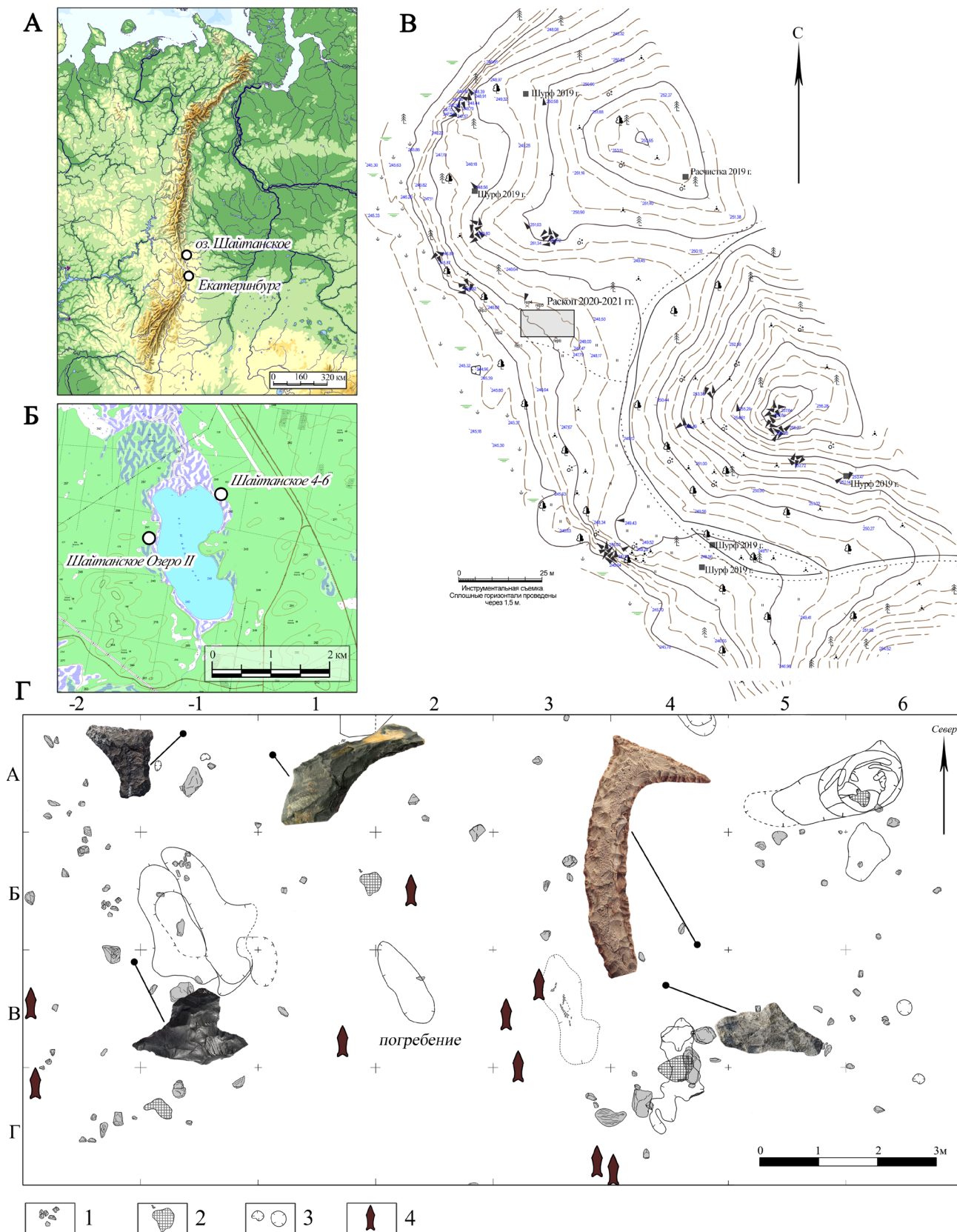

Рис. 1. А – Шайтанское озеро на карте Урала; Б – расположение памятников на побережье Шайтанского озера; В – план поселения Шайтанское 4–6; Г – расположение фигурок и рыбковидных наконечников стрел на площади раскопа поселения Шайтанское 4–6. 1 – валун; 2 – проквал; 3 – границы объектов; 4 – рыбковидные наконечники стрел

Fig. 1. A – Shaytan Lake on the map of the Urals; Б – layout of the monument on the Shaytan Lake shore; В – Shaytanskoe 4–6 settlement plan; Г – layout of the figurines and fish-shaped arrowheads across the excavation at Shaytanskoe 4–6 settlement. 1 – rock; 2 – core; 3 – site boundaries; 4 – fish-shaped arrowheads

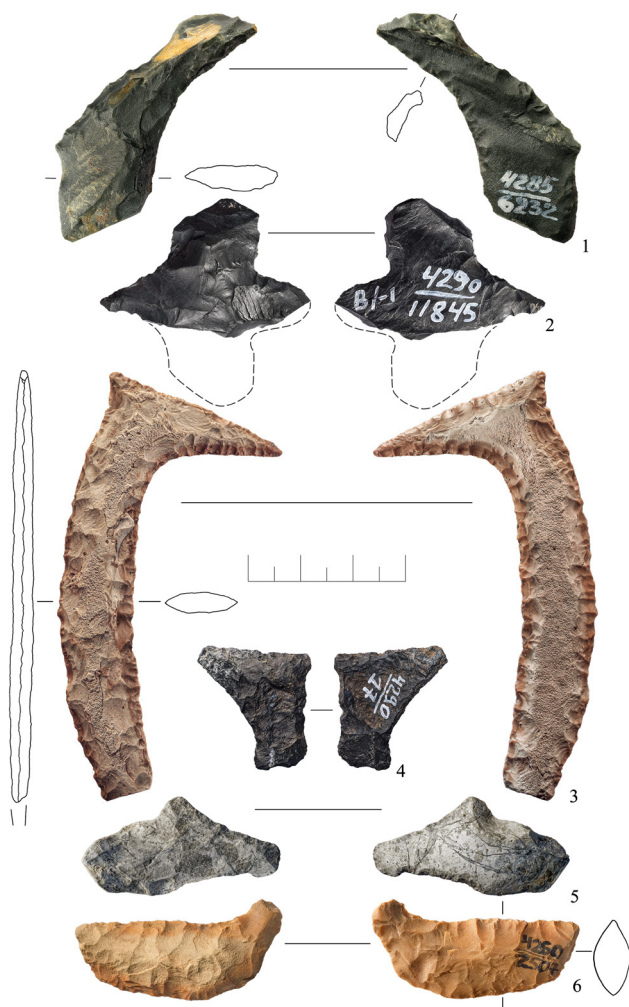

Рис. 2. Кремневые фигурки. 1–5 – поселение Шайтанское 4–6; 6 – поселение Шайтанское Озеро II

Fig. 2. Flint figurines. 1–5 – Shaytanskoe 4–6 settlement; 6 – Shaytan Lake II settlement

Обработка минимальная: двусторонняя краевая полукрутая ретушь разного размера. На выпуклых участках вентрального фаса выявлены признаки заполировки, которая могла сформироваться от длительного ношения или транспортировки (неутилитарный износ по: [Гиря, 2015. С. 255]).

Фигурка 2 (шифр 4290/11845) представлена обломком, предварительно определена как половина полнофигурного изображения летящей птицы (вид снизу) с небольшой головкой, короткой шеей и массивным ромбическим корпусом⁴. Одно крыло и часть хвоста утрачены. Размер сохранившейся части 40×26×6,5 мм (рис. 2, 2). Изготовлена из отщепы углистого сланца путем полной обработки дорсального фаса покрывающей ретушью и избирательной краевой двухсторонней ретушью. Последняя была нацелена на формирование выемок.

Фигурка 3 (шифр 4285/4440) размерами 82,5×14,5×4,5 мм представляет собой стилизованное профильное изображение головы водопла-

вающей птицы с длинной изогнутой шеей, вытянутым клювом и небольшим треугольным хохолком на затылке (рис. 2, 3). Предположительно, передает облик птицы из семейства поганковых (*Podicipedidae*) – серошекой поганки или чомги. Оба вида в брачный период обретают хохолок на затылке, а у серошекой поганки передняя часть шеи и верх груди окрашиваются в рыжеватый цвет. Изготовлена из тонкой плитки светло-коричневого кремня. Сложный абрис фигурки создан с помощью отжимной ретуши, нанесенной на оба фаса по всему контуру заготовки. При изготовлении, возможно, был использован металлический ретушер. На одной из сторон необработанные участки поверхности в зоне «головы» и «шеи» имеют следы затертости, которая могла образоваться из-за длительного ношения или транспортировки артефакта.

Фигурка 4 (шифр 4290/17) размерами 22,5×10–21×2,5 мм в стилизованной манере передает абрис головы медведя (?) на короткой шее. Изобразительные средства лаконичны: подтреугольной формы морда с характерным уплощенным носом дополнена небольшим выступом уха (рис. 2, 4). Выполнена из черного углистого сланца посредственного качества. Задумана как тонкий бифас, у которого на широких поверхностях прослежены следы плоской ретуши, а контур дополнительно обработан по периметру крупной двухсторонней полукрутой ретушью. Центральная часть изделия на обеих сторонах утрачена.

Фигурка 5 (шифр 4285/4116) размерами 37×16,5×5,2 мм передает профильное изображение головы лося с хорошо проработанным абрисом: реалистично выведен горбоносый конец морды с чуть отвислой нижней губой и характерным подчелюстным мешком, небольшой бугоркой над глазницей, и ушной выступ (рис. 2, 5). Головка изготовлена из белой с серыми прожилками яшмы. Подходящей формы отщеп выборочно подработан регулярной мелкой ретушью по краю. Нижняя челюсть и кончик морды оформлены вентральной, а верхняя часть – дорсальной ретушью. Следы сработанности отсутствуют.

Фигурка 6 (шифр 4260/2507) размерами 39,3×15×7 мм, обнаружена в коллекции каменного инвентаря эпохи энеолита памятника Шайтанское Озеро II. Фигурка представляет собой стилизованное изображение водоплавающей птицы с вытянутым трапециевидным корпусом и выступом на месте шеи и головы (рис. 2, 6). Изготовлена из кремня коричневого цвета. Представляет собой полный бифас, оформленный сплошной, плоской, контрперпендикулярной, удлиненной разнофасеточной ретушью. На одном фаса наблюдаются остатки известковой корки, которые могут указывать на использование в качестве заготовки первичного скола.

⁴ По определению Л.В. Степанова, фигурка имеет некоторое сходство с совообразными.

Наконечник стрелы 1 (шифр 4285/4765) имеет размеры 32×10,5×4,5 мм. Тип заготовки не ясен. Выполнен из темно-серо-коричневого фтанита с использованием техники сплошной плоской двухсторонней отжимной ретуши. Частично поврежден небольшим сколом, сошедшим по трещине. Верхняя треть изделия оформлена диагонально конвергентной узкофасеточной ретушью, нижняя половина преимущественно разнофасеточной ретушью. Основание изготовлено путем параллельного снятия чешуек относительно продольной оси. Изделие имеет вид профильного изображения пресноводной рыбы с характерной горбинкой на спине и однолопастным хвостовым плавником (рис. 3, 1).

Зафиксированы признаки метательного износа: конец наконечника после утраты острия сгла-

жен и несет микроследы в виде заполировок и выкрошенности.

Наконечник стрелы 2 (шифр 4290/9252) имеет размеры 35,7×13,4×4,6 мм. Тип заготовки не определен. Выполнен из кремнистого сланца темно-серого цвета с зеленоватым оттенком с применением техники сплошной плоской разнофасеточной двухсторонней ударной (?) ретуши (рис. 3, 2). Морфологически наконечник близок вышеописанному экземпляру, но уступает ему в качестве изготовления и способу оформления хвостового плавника – с двумя лопастями. Кончик острия и одна из хвостовых лопастей утрачены. Не завершен. Следов использования не имеет.

Наконечник стрелы 3 (шифр 4285/5924) имеет размеры 38×9–12×4 мм. Тип заготовки не определен. Выполнен с использованием техники сплош-

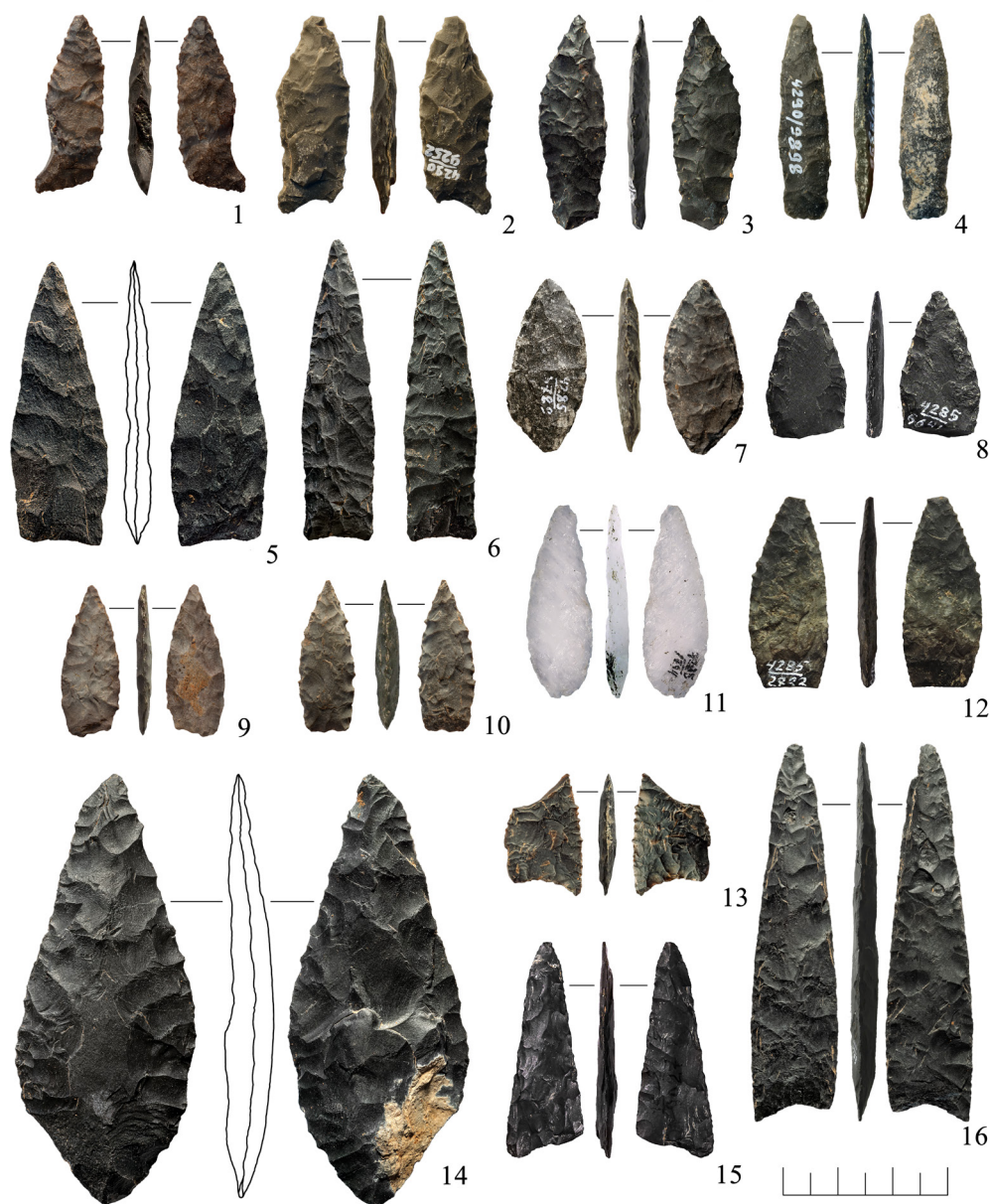

Рис. 3. Поселение Шайтанское 4–6. Рыбковидные наконечники стрел
Fig. 3. Shaytanskoe 4–6 settlement. Fish-shaped arrowheads

ной плоской двусторонней отжимной разнофасеточной ретуши из черного углистого сланца и морфологически близок предыдущим экземплярам (рис. 3, 3). Хвостовой плавник редуцирован, но его наличие отчетливо просматривается в фигурном оформлении основания. Хорошо выражены микроследы использования в виде сглаженности и залощенности кончика острия и боковых граней, особенно в наиболее выступающих местах. Вблизи острия наблюдается негатив бокового вылома.

Наконечник стрелы 4 (шифр 4290/9898) имеет размеры 37,5×9,2×3,5 мм. Тип заготовки не определен. Выполнен из кремнистого сланца темно-серого цвета со светлыми вкраплениями с использованием техники распространенной плоской разнофасеточной отжимной двусторонней ретуши (рис. 3, 4). Основание оформлено ретушью, параллельной продольной оси изделия. Морфологически представляет собой узкий вытянутый наконечник с асимметричным абрисом боковых граней, на которых ближе к основанию оформлен перехват, отделяющий переданный уплощенным выступом хвостовой плавник (?) от тулова. Не завершен. Следов использования не прослежено.

Наконечники стрел 5–11. К категории редуцированных (без хвостового плавника или намек на него) изображений пресноводных рыб из семейства карповых, с известной условностью, отнесены все наконечники ланцетовидной формы с асимметричным (горбатым) корпусом, выполненные в той же технике, что и описанные выше (шифры 4285/2722, 4285/6695, 4285/5631, 4285/5789, 4285/1794, 4285/6641, 4285/8847) (рис. 3, 5–12, 14). Думать так заставляют морфологические и технологические параллели в передаче корпуса наконечников этого типа вышеописанным экземплярам, с одной стороны, а также серийность на энеолитических памятниках Среднего Зауралья (Скворцовская Гора V, могильник на Большом Андреевском острове, Бузан 3). С осторожностью в эту же группу можно добавить некоторые экземпляры наконечников с перехватом над оформленным выемкой основанием из погребения, исследованного на памятнике в 2020 г. (шифры 4285/8879, 4285/8876) (рис. 3, 12, 14).

Вопросы вызывают также длинные узкие наконечники без горбинки (4285/735, 4285/9027, 4285/3549), но с выраженной асимметрией основания, где выемкой оформлено два шипа – длинный и короткий. Высокое качество обработки изделий и повторяемость указывают на неслучайный характер выбора такой морфологии острий и допускают возможность с определенной долей осторожности и их рассматривать в качестве ихтиоморфных фигурных изображений (рис. 3, 13, 15, 16). Ярко выраженная асимметрия хвостовых лопастей при зауженной форме тела – характерный признак осетровых рыб, до сих пор обитающих в реках Обского бассейна.

Анализ изображений

Как следует из описаний, кремневая пластика, за исключением фигурки 5 (рис. 2, 5), представлена преимущественно профильными изображениями, среди которых выделяются две морфологические группы: полнофигурные (рис. 2, 1, 2) и парциальные – изображения голов, корпуса (рис. 2, 3–6). Тематика образов разнообразна и ориентирована на представителей зоо-, ихтио- и орнитофауны лесной зоны Евразии. Прототипами выступили наиболее крупные обитатели леса, такие как лось и медведь, боровая и водоплавающая птица, озёрные и речные виды рыб.

Две группы выделяются и по способу изготовления. Первую характеризует применение краевой ретуши по контуру (рис. 2, 1, 3, 5), вторую – двусторонняя обработка поверхности изделий сплошной плоской ретушью (рис. 2, 4, 6). В одном случае отмечено совмещение техник на одном предмете (рис. 2, 2). Мнения исследователей разнятся: фигурки, изготовленные разными способами, сосуществуют на одной территории [Шипилов, 2009. С. 77]; разные приемы обусловлены территориальной приуроченностью [Замятнин, 1948. С. 100; Сериков, 2011. С. 158]. В частности считается, что для Волго-Камья и северо-востока Европейской части России (далее СВЕ) более характерны двусторонне обработанные экземпляры фигурного кремня, а особенностью Зауралья является широкое использование краевой и/или двусторонней плоской ретуши. На наш взгляд, в основе фиксируемых различий лежит разница в технологиях расщепления камня. На территории СВЕ в неолите-энеолите преобладала бифасиальная индустрия, тогда как в Среднем и Южном Зауралье это было время абсолютного господства отщепово-пластинчатого расщепления. Если исключить из внимания предметы, изготовленные контурной ретушью из тонких сколов, которые возможны при любой индустрии, использование разных технологий при изготовлении двусторонне обработанных изделий станет более очевидным. Формально такие фигурные изделия западного и восточного ареала сопоставимы как разновидности тонких бифасов, а фактически «классическими» бифасами являются только изделия СВЕ, будучи продуктами технологии вторичного бифасиального утончения [Карманов, 2022. С. 148]. Двусторонне обработанные изделия на восточном склоне Урала появляются не ранее энеолита (наконечники стрел, отдельные фигурные кремни) и выполнены с помощью плоской ретуши на изначально тонких заготовках в соответствии с технологиями отщепово-пластинчатого расщепления. Из вышесказанного следует, что изделия, найденные за пределами территории распространения своей базовой технологии, могут рассматриваться как маркеры информационных связей, наряду с неместным сырьем и морфологической спецификой изделий.

Обращаясь к аналогиям кремневой скульптуры памятника Шайтанское 4–6 можно отметить, что по массовости, вектору и степени территориальной удаленности однотипных изделий фигурки существенно разнятся между собой. Так, например, морфологически близкие длинношейей фигурке 3 изделия зафиксированы в материалах нео-энеолитических памятников: пос. Исетское Правобережное в Среднем Зауралье [Сериков, 2011. Рис. 2, 5], пос. Векса 1 (погребение 3) на Сухоне [Недомолкина 2000. Рис. 5, 2], пос. Ахмыловское II в Марийском Поволжье [Никитин, 1996. Рис. 64, 10]. Типологически близки им зоо- и орнитоморфные изображения памятников: мог. Бузан 3 (погребение 3) в лесостепном Притоболье [Матвеев и др., 2015. Рис. 41, 3], ст. Каентубинская, Игимская, Дубогривовская II в Волго-Камье [Шипилов, 2009. Рис. 2, 1–7], Мурзихинский II могильник в Прикамье [Чижевский, 2008. Рис. 1, 6]. Все фигурки данного типа выполнены в бифасиальной технике на сколах/плитках желтого (со светло-коричневым оттенком на фото), реже темно-красного, белого или светло-серого кремня в сходной иконографической манере: асимметричный Г-образный серп с приостренными концами, длинная часть которого передает шею, а короткая, за счет угла, иногда дополненного выступом (ухо/хохол), и одной-двух узнаваемых деталей в линии контура формирует морду. Эти фигурки принято рассматривать в контексте «лунниц», количество и ареал которых значительны. Согласно классификации А.М. Жульникова, орнито- и зооморфные изображения по типу лунниц соотносятся с группой 2 А-Б (лунницы имеющие выступ на выпуклой стороне с вариациями: слабо или отчетливо выраженный) [Жульников, 2010. С. 306], согласно типологии Н.Г. Недомолкиной – с типом 1 (лунницы с выступом) [Недомолкина, 2000. С. 228]. С.Н. Замятнин относил лунницы к символическим фигурам, отмечая, что помимо основных вариантов изображений, встречаются лунницы, осложненные выступами [Замятнин, 1948. С. 110]. С.В. Студзицкая [Студзицкая, 2004. С. 250], чье мнение разделяет А.В. Шипилов [Шипилов, 2009. С. 78], в кремневых волосовских Г-образных профильных изображениях животных и птиц усматривает сходство, а возможно и прямое воспроизведение костяных составных Г-образных «желез-посохов». Подобные Г-образные фигурки, напоминающие костяные прототипы, прослежены в комплексах с ямочной и пористой керамикой типа Модлоны, некоторых других ямочно-гребенчатых культурных типов финального неолита и раннего металла, но главным образом в материалах волосовской культуры [Никитин, 1996. С. 37; Шипилов, 2009. С. 78, 80; Недомолкина, 2000. С. 228 и др.].

По мнению авторов данного исследования, с костяными жезлами Г-образные фигурки из кремня объединяет и факт их частого местонахождения в погребениях. Как уже отмечалось, длинношеяя

фигурка с оз. Шайтанское имеет прямое отношение к энеолитическому погребению, хотя и найдена за его пределами [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2023. С. 65]. С погребальными комплексами связаны фигурки с Сухоны (пос. Векса), могильника Бузан 3 и, по предварительным данным, Мурзихинского II могильника [Недомолкина, 2000. Рис. 5, 2; Шипилов, 2009. Рис. 2, 3; Матвеев и др., 2015. Цв. вкл. IX].

Основной массив аналогий кремневой скульптуре этого типа, включая цветовую гамму и породу исходного материала, ориентирует на лесную зону СВЕ, точнее, на ту ее часть, что простирается от Верхней Волги и устья Камы в северном направлении как минимум до бассейна Сухоны. Интересно отметить, что аналогии этому изображению прослежены во всех направлениях за исключением северного и северо-восточного, а диапазон расстояний составляет 50–1200 км.

К орнитоморфным изображениям отнесены еще два фигурных кремня с памятника Шайтанское 4–6. Одна фигурка передает образ сидящей «столбиком» боровой птицы (тетерки?) с устремленной вверх головой и плотно прижатыми к телу крыльями (№ 1), тогда как другая представляет собой обломок изображения птицы в полете (№ 2). Скульптуры полнофигурные, выполнены в реалистичной манере с детальной проработкой контура, но с использованием различных техник. Изображения сидящих бороновых птиц в регионе немногочисленны. Близкие по форме изделия связаны с позднеэнеолитическими–энеолитическими материалами памятников со смешанным культурным слоем: Шайтанское Озеро I и Аятское правобережное в горнолесном Зауралье [Сериков, 2014. Рис. 6, 2, 3], поселение «VIII пункт» участка ЮАО XVIII под Тюменью [Усачева, 1998. Рис. 1, 2]. Перечисленные изображения сближает не только единство образов и специфика позы, но и техника изготовления: мелкая краевая ретушь по контуру. С этим же временем на территории Среднего Зауралья связаны профильные изображения бороновых птиц в иных ракурсах (см. напр., скульптурку «глухарки» из Юрьино [Сериков, 2014. Рис. 6, 1] или уже упоминавшееся изображение головы бороновой птицы на длинной шее из энеолитического могильника Бузан 3 в равнинном Зауралье [Матвеев и др., 2015. Цв. вкл. IX]). Отсутствие удаленных аналогов позволяет сделать предварительный вывод, что изображения близких по морфологическим и технологическим канонам сидящих бороновых птиц относительно компактно локализованы в горнолесной части Среднего Зауралья.

Скульптурок летящей птицы с распахнутыми крыльями и выделенными головкой и хвостом среди находок фигурного кремня на восточном склоне Урала пока не встречалось. Те изображения, в которых исследователи видят птиц в полете, имеют вид наконечников стрел с боковыми выступами. Такие скульптуры выявлены на Шайтанском

озере (3 экз.), озере Шувакиш, Исетском Правобережном, Юринском озере и пещерном святилище Камень Дыроватый (4 экз.) [Сериков, 2014. Рис. 6, 11–16]. Но на территории СВЕ образы птиц с раскинутыми крыльями известны, а если принимать в расчет редуцированные изображения (не видно головы), то можно даже говорить об их многочисленности на отдельных территориях.

По классификации А.М. Жульникова, фигурки, напоминающие в плане летящую птицу (крестообразные), отнесены к пятой группе символических изображений [Жульников, 2010. С. 306. Рис. 2, 10–12]. По степени реализма, морфологии и технике изготовления шайтанской птичке более всего близки фигурки с поселения Вёкса [Недомолкина, 2000. Рис. 3, 2], Синяя Гора [Черных, 1996. Рис. 4, 9] и Волосово [Замятнин, 1948. Рис. 3, 13]. По мнению специалистов, серии сходных по форме кремневых скульптурок появляются лишь на рубеже неолита и энеолита у волосовских племен, а также у некоторых групп энеолитического населения, обитавшего в южной части бассейна Белого моря и восточной части бассейна Онежского озера [Жульников, 2010. С. 310]. Таким образом, основные векторы аналогий указывают на памятники волосовской культуры, расположенные в 1000–1600 км к западу.

Западные параллели прослеживаются и в отношении изображения с пос. Шайтанское Озеро II (рис. 2, 6). Несмотря на схематизм фигурки и отсутствие головы, по характерному контуру корпуса и шеи легко распознается водоплавающая птица [Замятнин, 1948. Рис. 5, 2, 6, 12; Карманов, 2022. С. 142]. Более того, материал из которого выполнена фигурка и характерный для СВЕ-изделий цвет, наряду с бифасиальной техникой изготовления, позволяют предполагать неместный характер поделки. К такому же выводу склоняет и морфология изделия: изображения водоплавающих птиц широко представлены в археологических комплексах центральной и северо-восточной части Восточно-Европейской равнины [см. напр.: Замятнин, 1948. С. 107. Рис. 5, 1–12; Карманов, 2022. Рис. 2, 15–18; Шипилов, 2009. Рис. 2, 8, 9 и др.]. Для сравнения: на восточном склоне Урала зафиксировано только одно изображение подобного типа – со стоянки Таватуй VI [Сериков, 2014. Рис. 6, 9. Фото 6, 5]. Все остальные фигурки птиц обработаны по периметру краевой ретушью [Сериков, 2014. Рис. 6, 1–8, 10, 17. Фото 6, 3, 4]. Основные векторы аналогий подобным фигуркам усматриваются в 600–1000 км к западу-северо-западу.

Зооморфные скульптуры представлены двумя парциальными экземплярами. Головка лося изготовлена с помощью краевой ретуши, головка медведя – с применением двусторонней обработки поверхности. Зоо- и орнитоморфные изображения голов, воплощенные в разных материалах, не являются редкостью и широко представлены в искусстве малых форм лесной зоны Евразии [Сериков,

2011. С. 158]. Частота встречаемости изображений лося и медведя на всех территориях распространения кремневой пластики в европейской части и на Урале свидетельствует об особой актуальности и значимости данных образов. Почти полной аналогией голове лося с пос. Шайтанское 4–6 по размерам, технике, стилю является фигурка с памятника Подты 1 на крайнем северо-востоке Европы [Карманов, 2022. Рис. 2, 5]. В той же манере изготовлены скульптуры, происходящие с 1-й Береговой стоянки, Шайтанского Озера I, II горно-лесного Зауралья [Сериков, 2011. Рис. 3, 9, 8; 2014. Рис. 10, 6], стоянки Стрелка 1 (центр Русской равнины) [Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 122, 1] и др. Интересно отметить, что все упомянутые изображения голов лосей выполнены в технике краевой ретуши и достаточно реалистично передают исходный образ. Этим они существенно отличаются от фигурок волосовской культуры, выполненных в бифасиальной технике. Последним присущ схематизм и характерная морфология образа в виде асимметричных лунниц с ушком («жезлов») (см. напр.: Каентубинская стоянка, Нижнее Прикамье [Шипилов, 2009. Рис. 2, 1]; Удельношумецкое VI, Марийское Поволжье [Никитин, 1996. Рис. 64, 3]). Полнофигурные изображения лосей единичны и являются скорее исключением (см. напр.: Зимняя Золотица, Беломорье [Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 84, 2]). Тем не менее хронологически все упомянутые скульптуры, несмотря на разницу в технике, близки между собой и датированы финальным неолитом – энеолитом. Таким образом, аналогии усматриваются в близлежащих памятниках горно-лесного Зауралья, а также комплексах, удаленных на 750–1000 км к западу и северо-западу.

Фигурные кремни, передающие облик медведя как в виде изображений голов, так и в полнофигурном виде, встречаются достаточно часто. Однако индивидуализм медвежьих изображений настолько велик, что абсолютных соответствий выявить не удалось. Можно уверенно говорить лишь о характерном для изображений морды этого зверя абрисе головы, ее пропорциях, местоположении ушей и формы носа – см. напр.: Зимняя Золотица (Беломорье) [Замятнин, 1948. Рис. 4, 2], Вис II и Вологда (северо-восток Европы) [Карманов, 2022. Рис. 2, 2; Недомолкина, 2000. Рис. 6, 9], Стрелка 1 и Синяя Гора (центр Русской равнины) [Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 122, 2; 123, 1], Дубовогривская II стоянка (Нижнее Прикамье) [Шипилов, 2009. Рис. 2, 2] и др. Все перечисленные изделия с нашим сближает также техника двусторонней обработки поверхности. Интересно отметить, что все западные и северо-западные скульптуры медведей, за исключением находки с Дубовогривской II стоянки, являются полнофигурными. На восточном склоне Урала медвежья тема представлена, напротив, именно головами, причем большая часть изображений сосредоточена в Сред-

нем Зауралье. Особенностью местной культурной традиции, помимо склонности к парциальности, является минимальное вмешательство мастера в формирование изделия. Как правило, речь идет о небольшой правке абриса подходящей заготовки с помощью краевой эпизодической ретуши по одной или двум сторонам – см. напр.: Уральские Зори V, р. Пышма, Макинский торфяник, Чашиха I, III-я Береговая [Сериков, 2014. Рис. 6, 1–3, 5–6].

Изображения рыб – распространенный сюжет в коллекциях фигурных кремней практически всех территорий. Они выполнены в разных техниках, с разной степенью реализма и морфологического разнообразия, но легко узнаются благодаря обтекаемому, суживающемуся к концу и немного асимметричному корпусу (легкая или выраженная «горбинка»), завершающемуся хвостовым плавником [Замятнин, 1948. Рис. 5, 20, 22; Недомолкина, 2000. Рис. 4, 7, 8; Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 52; 123, 2, 6; 125; Карманов, 2022. Рис. 3, 1, 2; Сериков, 2014. Рис. 5. Фото 35, 2].

Наиболее близкие аналогии шайтанским экземплярам прослежены в материалах среднеуральских памятников восточного склона Урала. Практически идентичные изделия есть в коллекциях Шайтанского Озера I [Сериков, 2014. Фото 35, 2] и расположенной в 10 км северо-западнее погребально-культурной площадки Скворцовская Гора 5 на Шигирском озере [Чаиркина, 2011. Рис. 24, 1, 2, 4, 7; 25, 2, 3, 19. Цв. рис. 9 и др.]. Однотипные изображения рыб серийно и индивидуально зафиксированы в могильниках и поселениях равнинного Зауралья: мог. на Большом Андреевском острове [Зах, Панфилов, Зотова, 1991. Рис. 7, 18, 37, 40–48; 8, 1–46; 11, 4, 5 и др.], мог. Бузан 3 [Матвеев и др., 2015. Рис. 20, 7–10; 22, 1–4; 38, 14–18 и др.], мог. Устюг 3 [Матвеева, Сучилина, 2020. Рис. 8, 6], пос. Ташково II [Ковалева, 1997. Рис. 2, 1, 3] и др. Большая часть изделий обнаружена в погребениях и уверенно датируется энеолитом. Остальные найдены в составе смешанных комплексов, но технологически, типолого-морфологически и функционально настолько близки зафиксированным в погребальном инвентаре, что с большой долей вероятности могут быть датированы этим же временем.

К западу от Урала морфологически близкое шайтанским рыбковидным наконечникам изделие обнаружено в составе клада кремнеобрабатывающей мастерской Угдым IБ (Средняя Вычегда) [Карманов, 2022. Рис. 3, 1]. Фигурка ланцетовидной формы с выделенным асимметричным хвостовым плавником изготовлена в атипичной для этого региона манере, для которой характерен широкий корпус овальной или овально-усеченной формы и хвостовой плавник, оформленный в виде маленького полуовального, раздвоенного или веерообразного выступа (см. напр.: Синяя Гора, Ронское I, Сахтыш 2 (северо-восток Европы) [Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 123, 2, 6; 125],

Ягкодж I, Ярейты (Приуралье и крайний северо-восток Европы) [Сериков, 2014. Рис. 5, 7, 8, 12, 14–16 и др.]). Кремневых фигурок рыб, имеющих более реальные пропорции и абрис, на территории северо-востока Европы известно немного (см. напр.: Федорова Будка [Репман, 1957. Рис. 57, 3], Студенец [Ошибкина, Крайнов, Зимица, 1992. Рис. 52]). Но именно благодаря этим находкам ранее неоднократно высказывалась мысль о том, что отдельные изображения рыб могли использоваться в качестве наконечников стрел [Замятнин, 1948. С. 101; Хлобыстин, 1973. С. 63; Карманов, 2022. С. 142 и др.].

В отличие от восточно-европейских, зауральские кремневые изображения рыб всеми исследователями относятся именно к категории наконечников стрел, более того, они выделены в специальный тип, получивший название «рыбковидный» [Зах, Панфилов, Зотова, 1991. С. 37; Матвеев и др., 2015. С. 51; Сериков, 2014. С. 25; Усачева, Спиридонов, Корочкова, 2023. Рис. 1]. Особенности функционального единства обусловили серийность находок. Самая большая серия найдена в двух ярусах погребения 6 могильника Большой Андреевский остров, где к рыбковидным относится 89 из 125 экземпляров. При этом большая часть представлена непосредственно изображениями рыб [Зах, Панфилов, Зотова, 1991. Рис. 7; 8].

Общее количество подобных наконечников стрел на памятниках Среднего Зауралья доподлинно не установлено. Проблема кроется в степени стилизации изображений. В одних и тех же погребальных комплексах встречаются изделия, где абрис рыбы передан с разной степенью детализации: тщательно, с характерной для уральских озерных обитателей горбинкой и раздвоенным хвостовым плавником; более схематично, когда обозначена только одна хвостовая лопасть или намек на нее; и предельно схематично, когда единственным указателем на принадлежность изделия к ихтиоморфным изображениям служит только асимметричность («горбатость») корпуса. О том, что это не случайная небрежность в изготовлении, а именно знаковый признак, свидетельствует его обязательное присутствие на реалистично выполненных образцах, что характерно для фигурного кремня и нетипично для «классических» наконечников с их симметричными формами. Не исключено, что к рыбковидным следует относить и некоторые симметричные обтекаемые формы, но пока отсутствует понимание критериев их отличия от наконечников без фигурного подтекста. В таком случае количество скульптурных изображений рыб еще более возрастет. Высокая концентрация рыбковидных наконечников стрел близкой иконографии в Среднем Зауралье позволяет высказать предположение о местном характере этой традиции. Единственный дальний аналог зафиксирован примерно в 700 км к северо-западу (Угдым IБ).

Хронология и культурная принадлежность новых находок

Из всего комплекса публикуемых находок только один предмет – головка-«жезл» на длинной шее, благодаря идентичному сырью, использованному при изготовлении ряда орудий из погребального комплекса [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2023], уверенно датирован периодом энеолита. Этот возраст хорошо согласуется с возрастом могильника Бузан 3 в равнинном Зауралье, где в погребении 3 найдена головка хищной птицы на длинной шее, выполненная в стиле жезла, в идентичной технике [Матвеев и др., 2015. С. 12]. Полученная для погребения 3 этого могильника дата 5140 ± 60 л.н. (СОАН-3537) определяет хронологические рамки объекта в пределах 4220–3780 гг. до н.э. (cal BC 95,4%), что соответствует раннему энеолиту [Матвеев и др., 2015. С. 79].

Период бытования остальных фигурных кремней достоверно определить затруднительно. Однако, сопоставляя рассматриваемые артефакты с аналогичными предметами иных территорий, правомерно предположить их энеолитический возраст: рубеж V/IV – середина/третья четверть III тыс. до н.э. [Чаиркина, 2022. С. 256]. Сложнее обстоит дело с вопросом культурной принадлежности. Большая часть кремневой скульптуры в Среднем Зауралье найдена в смешанном слое, подъемном материале или в неverifiedированных на уровне культур объектах, что препятствует их уверенной атрибуции. Ситуацию усложняет также многообразие культурных типов, представленных шапкульскими, липчинскими, аятскими, шугакишскими и др. комплексами.

Если отталкиваться от энеолитического материала, полученного в ходе раскопок поселений Шайтанское 4–6 и Шайтанское Озеро II, можно предположить аятскую принадлежность и местное происхождение, по крайней мере, части обнаруженных фигурных кремней. На местные традиции передачи образа указывает и преобладание восточно-уральских аналогий для ряда фигурок. Предварительно к числу таковых можно отнести изображения лося, боровой птицы и рыб, возможно, медведя. В случаях, когда преобладают дальние аналогии, отличающиеся высокой степенью сходства, можно допустить их инокультурное происхождение. Так открытым остается вопрос о культурной принадлежности Г-образной фигурки (рис. 2, 3) и обломка летящей птицы (рис. 2, 2). Для них наиболее близкие аналогии, датируемые поздним неолитом – энеолитом [Недомолкина, 2000. С. 225; Жульников, 2010. С. 314; Шипилов, 2009. С. 80] усматриваются в западном – северо-западном направлениях (Нижнее и Среднее Прикамье, Среднее и Марийское Поволжье, бассейн Сухоны) для первого предмета и в северо-западном (Верхне-Волжский район, бассейн Сухоны) – для второго.

В отличие от фигурных кремней, передающих облик птицы или зверя, рыбковидные наконечники стрел в регионе являются массовыми находками. При этом многие обнаружены в погребальных комплексах Среднего Зауралья (могильники Бузан 3, Большой Андреевский остров, Скворцовская Гора V), датированных энеолитом. Иной точки зрения придерживается Ю.Б. Сериков, полагая более широкий диапазон бытования рыбковидных наконечников стрел в рамках неолита – раннего бронзового века [Сериков, 2014. С. 31–33]. Не исключая возможности предложенных Ю.Б. Сериковым датировок, отметим, что серийно наконечники этого типа прослежены пока только в энеолитических комплексах. При этом погребальные объекты, содержащие подобную категорию артефактов, как правило, не обладают достаточным количеством диагностического материала [Зах, Панфилов, Зотова, 1991. С. 38; Чаиркина, 2011. С. 119]. Единичные фрагменты керамики, обнаруженные в заполнении могильных ям, указывают на возможную причастность рыбковидных наконечников стрел к шапкульской, липчинской и шугакишской культурам [Чаиркина, 2011. С. 119–121]. Бытование подобного типа артефактов в рамках аятской культуры подтверждают раскопки поселенческих комплексов [Сериков, 2011. С. 153].

Заключение

В научный оборот вводится коллекция новых находок фигурного кремня из раскопок последних лет на Шайтанском озере в горно-лесной зоне восточного склона Урала. Набор образов типичен для данной категории артефактов культур лесной зоны Северо-Восточной Европы и Урала: лось, медведь, боровая и водоплавающая птица, озерные и речные виды рыб. Получены дополнительные аргументы в пользу гипотезы о своеобразии кремневой скульптуры восточного склона Урала, которая будучи близкой кремневой пластике других территорий, тем не менее, обладает целым рядом специфических черт, среди которых выделяется заметный процент изображений голов животных, почти равное сочетание в оформлении скульптур плоской и краевой ретуши, использование так называемых «подсказывающих сколов», а также намеренный подбор цвета сырья для подчеркивания особого знакового смысла каменной скульптуры [Сериков, 2014. С. 36]. Высказано предположение, что в основе различий западного и восточного ареалов лежит специфика их каменных индустрий: отщепово-пластинчатая в Зауралье и бифасиальная в Волго-Камье и на севере Восточной Европы.

Таким образом, обзор и анализ находок не только расширил наши представления об этом уникальном явлении, но позволил разглядеть новые интерпретационные перспективы, ориентированные на поиск и фиксацию неместных видов сырья, технологии изготовления, морфологических шаблонов как свидетельств связей населения сопредельных территорий. Серийный харак-

тер удаленных аналогий с определенной долей вероятности показывает направления контактов и протяженность информационных коридоров. Применительно к рассматриваемой коллекции удалось установить, что большая часть кремневой пластики (изображения лося, боровой птицы, рыб) ориентирована на местную иконографию изображений и специфику региональной каменной индустрии. Остальные изделия по совокупности морфологических, технологических и сырьевых показателей (плывущая и летящая птицы, Г-образная фигурка – «жезл» в виде головки водоплавающей птицы), документируют возможность их связи с удаленными западными и северо-западными территориями. Такая связь может быть не только прямой, но и опосредованной, как, например, в случае с Г-образной фигуркой. Предварительные данные распределения изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образцах эмали зубов из погребения, с которым исследователи эту фигурку связывают [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2023. С. 65], с известной долей вероятности могут указывать на степное (в рамках Восточно-Уральской структурно-формационной мегазоны), т.е. южное происхождение индивидуума, погребенного на поселении

Шайтанское 4–6.

Необычно большое для поселенческих памятников Среднего Урала количество наконечников стрел, обнаруженных на памятнике Шайтанское 4–6, среди которых преобладают энеолитические экземпляры, позволило обратить внимание еще на один, специфичный для региона момент, а именно частоту встречаемости рыбковидных наконечников стрел. Возможность использования ихтиоморфных изображений фигурного кремня в качестве наконечников стрел неоднократно высказывалась в отношении материалов других территорий, но фактов серийного их использования в этом качестве не наблюдалось больше нигде. Между тем в Зауралье известны погребения, не говоря уже о могильниках в целом, где такие артефакты насчитываются десятками.

Контекст находок не позволил однозначно решить вопрос о культурно-хронологической принадлежности изучаемой коллекции фигурного кремня. Предварительно все собрание новых находок на основании аналогий датировано энеолитом, а та его часть, которая является свидетельством местных традиций, с осторожностью атрибутирована в рамках аятской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базалийский В.И., 2010. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив», *Известия лаборатории древних технологий*, № 1 (8), с. 39–53.
- Гиря Е.Ю., 1997. *Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2)*. СПб.: ИИМК РАН, 198 с.
- Гиря Е.Ю., 2015. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций), *Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского*, отв. ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, с. 232–268.
- Жульникова А.М., 2010. Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов, *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*, отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, с. 303–316.
- Замятнин С.Н., 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы, *Советская археология*, вып. X, с. 85–123.
- Зах В.А., Панфилов А.Н., Зотова С.В., 1991. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени, *Древние погребения Обь-Иртышья*, отв. ред. В.А. Матющенко. Омск: ОГУ, с. 13–42.
- Карманов В.Н., 2022. Просто красота или еще и магия? Фигурные кремни и их место в первобытной культуре Севера, *Stratum Plus*, № 2, с. 139–158.
- Ковалева В.Т., 1997. *Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II*. Екатеринбург: УрГУ, 131 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., 2021. Новые находки кремневой пластики в горнолесном Зауралье, *КСИА*, вып. 264, с. 193–200. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.193-200>
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А., 2020. *Святилище первых металлургов Среднего Урала*. Екатеринбург: УрФУ, 214 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И., 2023. Погребение эпохи энеолита в горнолесном Зауралье, *Археология, антропология и этнография Евразии*, № 2 (51), с. 57–65. DOI: <http://doi.org/10.17746/1563-0102.2023.51.2.057-065>
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н., 2015. *Культовые памятники эпохи энеолита*. Тюмень: ТГУ, 156 с.
- Матвеева Н.П., Сучилина Н.Ю., 2020. К характеристике погребальной обрядности энеолитической эпохи Притоболья (могильник на поселении Устюг-3), *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 4 (51), с. 5–16. DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-1>
- Нохрина Т.И., Лбова Л.В., Мыльникова Л.Н., Бородовский А.П., Мыльников В.П., Сальникова И.В., Скобелев С.Г., 2016. *Методика обработки археологических коллекций*. Новосибирск: НГУ, 296 с.
- Недомолкина Н.Г., 2000. Сухонские кремневые фигурки, *Тверской археологический сборник*, вып. 4, т. 1, отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, с. 224–230.
- Никитин В.В., 1996. *Каменный век Марийского края*. Йошкар-Ола: МарНИИ, 180 с. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)

- Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимица М.П., 1992. *Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы)*. М.: Наука, 136 с.
- Репман А.Х. 1957. Фигурный кремль с вышневолоцких неолитических стоянок, *КСИИМК*, № 67, с. 135–137.
- Сериков Ю.Б., 1978. О находках произведений искусства со стоянки Юрьино IV (Зауралье), *Советская археология*, № 4, с. 245–248.
- Сериков Ю.Б., 2011. О своеобразии кремневой скульптуры Урала, *Челябинский гуманитарий*, № 1 (14), с. 146–161.
- Сериков Ю.Б., 2014. *Очерки по первобытному искусству Урала*. Нижний Тагил: НТГСПА, 268 с.
- Студзилца С.В., 2004. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства эпохи неолита и раннего металла, *Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова*, отв. ред. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, с. 243–256.
- Усачева И.В., 1998. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита – бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.), *Вопросы археологии Урала*, вып. 23, отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, с. 105–134.
- Усачева И.В., Спиридонов И.А., Корочкова О.Н., 2023. К постановке проблемы маркеров каменных индустрий эпохи энеолита и бронзы горнолесного Зауралья, *Уральский исторический вестник*, № 2 (79), с. 108–118. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-116-126](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-116-126)
- Хлобыстин Л.П., 1973. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы, *Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита*, ред. Н.Н. Гурина, с. 54–65. (МИА. Вып. 172)
- Чаиркина Н.М., 2011. *Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская Гора V)*. Екатеринбург: УрО РАН, 224 с.
- Чаиркина Н.М., 2022. *Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы*. СПб.: Нестор-История, 368 с.
- Черных И.Н., 1996. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово I) на оз. Селигер, *Тверской археологический сборник*, вып. 2, отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, с. 271–292.
- Чижевский А.А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника, *Труды II (XVIII) Всеросс. археологич. съезда в Суздале*, т. I. Москва: ИА РАН, с. 367–371.
- Шипилов А.В., 2009. Кремневая скульптура эпохи неолита-энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада, *Российская археология*, № 1, с. 77–80.

REFERENCES

- Bazaliyskiy, V.I., 2010, “Morphotypological analysis of stone arrowheads from the Locomotive burial ground”, *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, no. 1 (8), pp. 39–53. (In Russ.)
- Girya, E.Yu., 1997, *Technological analysis of stone industries (Methodology of micro-macroanalysis of ancient tools. Part 2)*. ИМК РАН, St. Petersburg, 198 p. (In Russ.)
- Girya, E.Yu., 2015, “Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures)”, *Traces in the history. Dedicated to 75 anniversary of Viacheslav E. Shchelinsky*, eds. O.V. Lozovskaya, V.M. Lozovsky, E.Y. Girya, ИМК РАН, St. Petersburg, pp. 232–268. (In Russ.)
- Zhulnikov, A.M., 2010, “Flint figurines in the culture of ancient population of the White Sea zone and neighbouring regions”, *Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam (1928–2009)*, eds. I.S. Kamenetsky, A.N. Sorokin, Grif and K, Moscow, pp. 303–316. (In Russ.)
- Zamyatnin, S.N., 1948, “Miniature flint sculptures in the Neolithic of Northeastern Europe”, *Sovetskaya arheologiya*, vol. X, pp. 85–123. (In Russ.)
- Zakh, V.A., Panfilov, A.N., Zotova, S.V., 1991, “Ancient burial grounds on Andreevsky Lake near Tyumen”, *Ancient burials of the Ob-Irtysh region*, ed. V.A. Matyushchenko, OGU, Omsk, pp. 13–42. (In Russ.)
- Karmanov, V.N., 2022, “Just Beauty or Magic Too? Flint figurines and Their Place in Prehistoric Culture of the North”, *Stratum Plus*, no. 2, pp. 139–158. (In Russ.)
- Kovaleva, V.T., 1997, *The interaction of cultures and ethnic groups based on the materials of archeology: the settlement of Tashkovo II*. UrGU, Ekaterinburg, 131 p. (In Russ.)
- Korochkova, O.N., Spiridonov, I.A., 2021, “New Finds of Flint Plastic Art in the Mountainous-Forest Trans-Urals”, *KSIA*, vol. 264, pp. 193–200. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.193-200>
- Korochkova, O.N., Stefanov, V.I., Spiridonov, I.A., 2020, *The sanctuary of the first metallurgists of the Middle Urals*. UrFU, Ekaterinburg, 214 p. (In Russ.)
- Korochkova, O.N., Spiridonov, I.A., Stefanov, V.I., 2023, “A Chalcolithic Burial in the Mountain-Forest Zone of the Trans-Urals”, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 2 (51), pp. 57–65. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17746/1563-0102.2023.51.2.057-065>
- Matveev, A.V., Matveeva, N.P., Serikov, Yu.B., Skochina, S.N., 2015, *Cult monuments of the Chalcolithic era*. TGU, Tyumen, 156 p. (In Russ.)
- Matveeva, N.P., Suchilina, N.Y., 2020, “Characteristics of the Eneolithic funeral rite in the Tobol River region (the burial ground in the settlement of Ustyug-3)”, *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 4 (51), pp. 5–16. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-1>

- Nokhrina, T.I., Lbova, L.V., Mylnikova, L.N., Borodovsky, A.P., Mylnikov, V.P., Salnikova, I.V., Skobelev, S.G., 2016, *Collection processing methodology*. NGU, Novosibirsk, 296 p. (In Russ.)
- Nedomolkina, N.G., 2000, "Sukhon flint figurines", *Tver Archaeological collection*. Iss. 4, vol. 1, ed. I.N. Chernykh, TGOM, Tver, pp. 224–230. (In Russ.)
- Nikitin, V.V., 1996, *The Stone Age of the Mari Region*. MarNII, Yoshkar-Ola, 180 p. (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition. Vol. IV) (In Russ.)
- Oshibkina, S.V., Krainov, D.A., Zimina, M.P., 1992, *The Art of the Stone Age (the forest area of Eastern Europe)*. Nauka, Moscow, 136 p. (In Russ.)
- Repman, A.H. 1957, "Figured flint from the Vyshnevolotsk Neolithic sites", *KSIIMK*, no. 67, pp. 135–137. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 1978, "On the finds of works of art from the Yuryino IV site (Trans-Urals)", *Sovetskaya arheologiya*, no. 4, pp. 245–248. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 2011, "On the specifics of the Urals flint sculpture", *Chelyabinskij Gumanitarij*, no. 1 (14), pp. 146–161. (In Russ.)
- Serikov, Yu.B., 2014, *Issues on primitive art of the Urals*. NTGSPA, Nizhny Tagil, 268 p. (In Russ.)
- Studzitskaya, S.V., 2004, "Some problems of studying the primitive art of the Neolithic and Early Metal age", *Problems of the primitive archeology of Eurasia. On the 75th anniversary of A.A. Formozov*, eds. V.I. Gulyaev, S.V. Kuzminykh. IA RAN, Moscow, pp. 243–256. (In Russ.)
- Usacheva, I.V., 1998, "To the origins of the worldview of the ancient Urals (based on the materials of fine clay and flint plastics of the Neolithic – Bronze age of Lake Andreevsky, Tyumen region)", *Ural Archaeology Issues*, iss. 23, ed. V.T. Kovaleva, UrGU, Ekaterinburg, pp. 105–134. (In Russ.)
- Usacheva, I.V., Spiridonov, I.A., Korochkova, O.N., 2023, "Setting the stage: Eneolithic and Bronze Age lithic industry markers in the mountain-forest Trans-Urals", *Ural Historical Journal*, no. 2 (79), pp. 108–118. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-116-126](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-116-126)
- Khlobystin, L.P., 1973, "The Extreme North-East of the European part of the USSR in the Neolithic and Early Bronze Age", *Ethnocultural communities of the forest and forest-steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic era*, ed. N.N. Gurina, pp. 54–65. (MIA. Iss. 172) (In Russ.)
- Chairkina, N.M., 2011, *Burial complexes of the Chalcolithic and Early Iron Age of the Trans-Urals (based on the materials of the burial and cult site Skvortsovskaya Gora V)*. UrO RAN, Ekaterinburg, 224 p. (In Russ.)
- Chairkina, N.M., 2022, *Peat sites of the Urals, Eastern and Western Europe*. Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 368 p. (In Russ.)
- Chernykh, I.N., 1996, "Small flint plastic from the parking lot "Blue Mountain" 1 (Botovo 1) on the lake Seliger", *Tver Archaeological Collection*, iss. 2, ed. I.N. Chernykh, TGOM, Tver, pp. 271–292. (In Russ.)
- Chizhevsky, A.A., 2008, "Burials of the Chalcolithic era of the Murzikhinsky II burial ground", *Works of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal*. T. I, IA RAN, Moscow, pp. 367–371. (In Russ.)
- Shipilov, A.V., 2009, "Flint sculpture of the Neolithic-Eneolithic era of the Volga-Kama Cascade reservoir zone", *Russian Archeology*, no. 1, pp. 77–80. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ирина Витальевна Усачева, кандидат исторических наук, Институт проблем освоения Севера, Тюменский научный центр СО РАН, Российская Федерация, г. Тюмень. E-mail: i.usachova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6075-7759

Иван Андреевич Спиридонов, Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория, Уральский федеральный университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: z-is5@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9121-0585

Ольга Николаевна Корочкова, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru, ORCID: 0000-0003-4597-9219

Information About the Authors

Irina V. Usacheva, Cand. Sc. (History), Tyumen Scientific Center Siberian Branch of the RAS, Institute of Northern Development, Russian Federation, Tyumen. E-mail: i.usachova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6075-7759

Ivan A. Spiridonov, Institute of Archaeology, Ural Federal University, Russian Federation, Ekaterinburg. E-mail: z-is5@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9121-0585

Olga N. Korochkova, D.Sc. (History), Ural Federal University, Russian Federation, Ekaterinburg. E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru, ORCID: 0000-0003-4597-9219